

Эхо далёких земель

Олег Чередников

Олег Чередников

Эхо далёких земель

«Автор»

2026

Чередников О. В.

Эхо далёких земель / О. В. Чередников — «Автор», 2026

Элена Воронова родилась в сибирской глуши, в квартире с окном на восток, и с детства знала: её дом — там, среди звёзд. Марк Соколов вырос на рассказах отца-лётчика о небе, которое «не место, а состояние», и запускал бумажные самолётики. Они встретились в университетской аудитории — две мечты, летевшие навстречу друг другу. А потом пришло известие о проекте «Аврора»: первая пилотируемая экспедиция к Проксиме Центавра. Восемьдесят лет полёта. Анабиоз. Билет в один конец. Элена и Марк оставляют дом у океана, друзей, Землю — и уходят к звёздам вместе с экипажем из двадцати человек и роботом Ариком, который учится чувствовать. Впереди — сигнал из пустоты, встреча с Хранителями, новый мир, рождение дочери Авроры и вопрос, на который нет простого ответа: что делает нас людьми — плоть, память или любовь? Это роман о мечте, которая сильнее страха. О доме, который не место, а люди. О звёздах, которые пахнут надеждой. И о том, что даже машина может научиться любить — если рядом есть те, кто умеет.

© Чередников О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эхо далёких земель

Глава

Эхо далёких земель
Фантастический роман
Посвящается всем, кто когда-нибудь смотрел на звёзды и чувствовал, что его дом — там

Обзац I

МЕЧТА. Окно на восток¹ Елена Воронова родилась в декабре, в разгар сибирской зимы. Мороз стоял такой, что птицы падали на лету. Мать потом рассказывала: в тот день город будто заковало в лёд. Трамваи не ходили, машины не заводились, люди шли по улицам, замотанные в шарфы, и дыхание превращалось в пар, который оседал на воротниках белой изморозью. Отец Элены, Николай Воронов, работал инженером на авиационном заводе — том самом, где когда-то собирали детали для первых советских реактивных самолётов. Невысокий, с руками, которые всегда пахли машинным маслом, и с глазами, в которых жила тихая, упрямая мечта. В роддом он прибежал прямо с ночной смены: промасленная куртка, чёрные ногти, усталое лицо. Долго стоял у окна, пытаясь разглядеть дочь через стекло. Медсестра сказала, что отцам нельзя. Он остался стоять. — Товарищ, шли бы домой, — сказала пожилая акушерка. — Замерзнете. — Я не замёрзну, — ответил он. — Я хочу её увидеть. — Она спит. Все дети спят. — Я хочу увидеть, как она спит. Акушерка покачала головой, но прогонять не стала. Через час вынесла ему маленькую чёрно-белую фотографию: Елена спала, сжав кулачки, с нахмуренным лбом, будто уже тогда думала о чём-то важном. Отец хранил этот снимок всю жизнь — в бумажнике, за потёртой кожаной обложкой, рядом с фотографией жены. Когда он умер, Элене было семнадцать. Она нашла фотографию, разбирая его вещи. Бумажник почти рассыпался, кожа потрескалась, а снимок уцелел. Елена долго смотрела на него. Потом заплакала — впервые за все похороны.²Квартира у них была маленькая: две комнаты в хрущёвке на пятом этаже, без лифта, с окнами на восток. Елена помнила каждую трещину на стенах, каждую неровность на полу, лампочку, которая мигала на четвёртом этаже. Помнила запах угля из котельной во дворе — едкий, тёплый, зимний. Помнила, как пах свежий хлеб из булочной на углу, куда они ходили с матерью по субботам. И запах отцовского пальто: бензин, машинное масло, что-то металлическое. Этот запах она потом всю жизнь связывала с чувством безопасности. Она помнила лестницу. Тридцать семь ступенек. Всегда тридцать семь, если не сбиться. Иногда, возвращаясь из школы, Елена считала вслух, чтобы не думать об уроках. Один, два, три... двадцать... тридцать семь. Дверь. Ключ. Щелчок. И мама на кухне — в фартуке, с полотенцем на плече. — Елена, мой руки. Ужин готов. — Мам, я устала. — Все устали. Мой руки. Она мыла руки. Ела. Потом садилась у окна. Окно было её миром. Оно выходило на восток, и каждое утро, если не было облаков, Елена видела рассвет. Оранжевый. Розовый. Золотой. Она забиралась на подоконник, поджав ноги, и смотрела, как солнце поднимается над крышами. Ей было пять лет, и она думала, что солнце — это огромный космический корабль, который летит куда-то далеко-далеко. Она махала ему рукой. Иногда ей казалось, что оно машет в ответ. — Елена, отойди от окна, простудишься! — кричала мать из кухни. — Мам, я смотрю на солнце! — На что там смотреть? Солнце как солнце. Но Елена знала: солнце не «как солнце». Солнце было чудом. Как луна. Как звёзды. Как всё, что находилось за пределами их маленькой квартиры.³Отец приходил поздно — в семь, в восемь, иногда в девять. Он был мастером, не начальником: человеком, который знал каждую деталь, каждую гайку, каждый винтик на своём участке. Руки у него были грубые, с мозолями и порезами, которые не успевали зажить. Но когда он брал Элену на руки, эти руки становились самыми нежными на свете. — Как дела, солнышко? — спрашивал он, садясь на пол и снимая ботинки. — Что нового? — Я нарисовала ракету! — Елена бежала к нему с листком бумаги. — Смотри! Отец брал листок. Смотрел долго,

серьёзно, будто перед ним лежал не детский рисунок, а настоящий чертёж.— Это «Восток», — говорил он. — Я узнаю её. У неё такие же боковые блоки, как у Гагарина.— Да! Я рисовала с фотографии!— Молодец. Только вот здесь... — он показывал пальцем на кривую линию, — здесь надо было немного иначе. Видишь? Обтекатель должен быть глаже. Иначе ракета не полетит.— А как надо?Он брал карандаш и рисовал рядом. Аккуратно, точно, как на чертеже. Елена смотрела затаив дыхание. Она не понимала всех этих линий, но понимала главное: отец знает. Отец знает всё.— Пап, а ты можешь построить ракету?— Ракету? — он смеялся. — Нет, солнышко. Ракеты строят целые заводы. Тысячи людей. Это очень сложно.— А если я вырасту и стану конструктором? Я смогу построить?— Сможешь. Если очень захочешь. — Я хочу. Очень.Отец смотрел на неё долго. Потом говорил:— Тогда учись. Читай. Рисуй. Спрашивай. И никогда не сдавайся. Поняла?— Поняла.Она запомнила эти слова крепче любых обещаний. Никогда не сдавайся.4Мать Элены, Валентина, работала бухгалтером на том же заводе. Женщина практичная, не мечтательная. Она считала копейки, планировала бюджет на месяц вперёд, знала, где какие цены и когда бывают скидки. Элену она любила, но не понимала. — Зачем тебе эти звёзды? — спрашивала она, когда Елена засиживалась над книгой о космосе. — Лучше бы математикой занялась. Или русским. Это пригодится в жизни.— Мам, космос — это тоже жизнь.— Космос — это фантазия. А жизнь — это работа. Хлеб. Квартплата.Элена не спорила. Она знала: мать права по-своему. Но и она была права по-своему. Просто у них были разные правды. Разные миры.Однажды, когда Элене было двенадцать, мать нашла её альбом с фотографиями космонавтов. Листала долго, молча. Потом сказала:— Ты знаешь, что твой дед был лётчиком?Элена замерла.— Что?— Мой отец. Он был лётчиком. Погиб на войне. Мне было три года. Я его почти не помню.— Почему ты никогда не рассказывала?— Потому что это больно. И потому что я не хотела, чтобы ты мечтала о небе. Я хотела, чтобы ты мечтала о земле. О чём-то надёжном.Элена молчала. Потом сказала:— Мам, я не могу мечтать о земле. Я мечтаю о небе. Это сильнее меня.Мать посмотрела на неё долго. Потом вздохнула.— Знаю. Ты вся в него. В деда. Я надеялась, что это пройдёт. Но, видимо, не проходит.Она встала и вышла. Элена осталась сидеть с альбомом в руках. Смотрела на фотографию Гагарина и думала о деде, которого никогда не видела. О человеке, который летал в небе и не вернулся. Может быть, поэтому она так любила космос. Может быть, это было в крови. Может быть, это было судьбой.5В школе Элена училась хорошо. Не отлично — хорошо. С математикой было трудно: цифры путались, формулы не укладывались в голове. Но физику она любила. И астрономию — особенно. Учитель астрономии, Сергей Петрович, был старым, уставшим человеком, который, казалось, потерял веру в свой предмет. Но когда он увидел, как Элена смотрит на звёздные карты, как задаёт вопросы, как запоминает, — что-то в нём ожило.— Воронова, — сказал он однажды после урока. — Ты действительно интересуешься?— Да, Сергей Петрович. Очень.— Тогда я дам тебе книгу. Она старая, но хорошая. «Вселенная», издание шестидесятых. Там всё, что нужно знать.Элена взяла книгу как сокровище. Читала ночами, под одеялом, с фонариком. Узнала о галактиках, туманностях, чёрных дырах. О том, что вселенная расширяется, что звёзды рождаются и умирают, что мы — звёздная пыль. Узнала о Проксиме Центавра — ближайшей к нам звезде. И о том, что у неё может быть планета. Планета, где может быть жизнь.В ту ночь она не спала. Сидела у окна и смотрела на небо. Где-то там, в бесконечной тьме, светила маленькая красная точка. Проксима. Элена смотрела на неё и думала: «Я приду. Жди меня».6Одноклассники её не понимали. Считали странной. Девочка, которая не играет в куклы, не обсуждает мальчиков, не смотрит сериалы. Девочка, которая читает книги о космосе и рисует ракеты. Странная. Скучная. Не такая, как все.— Воронова, ты чего такая? — спросила однажды Лена, самая популярная девочка в классе. — Как будто не от мира сего.— Я просто люблю космос, — ответила Элена.— Космос? На фиг он нужен? Там же ничего нет. — Там всё. Там другие миры. Другие звёзды. Другая жизнь.— И что? Мы здесь живём. Здесь наша жизнь.Элена не спорила. Она не умела спорить. Она просто уходила. В свой мир. В свои

книги. В свои рисунки. И каждый вечер садилась у окна и смотрела на звёзды. И шептала:— Я полечу. Я обязательно полечу. Отец умер, когда Элене было семнадцать. Инфаркт. Внезапный, жестокий, как удар под дых. Он шёл с работы домой — усталый, как всегда, с авоськой в руке, в которой лежал хлеб и бутылка кефира, — и упал на остановке. Люди вызвали скорую. Скорая ехала двадцать минут. За эти двадцать минут он умер. Элена узнала об этом вечером. Мать позвонила в школу — тогда ещё были телефоны-автоматы в коридорах, — и голос у неё был такой, что Элена сразу поняла: случилось что-то страшное.— Мам, что?— Элена... папа... Она не договорила. Элена бросила трубку и побежала домой. Через двор, через улицу, через светофоры. Не видела машин. Не слышала сигналов. Просто бежала. Отец лежал в морге. Его не пустили. Только мать — на опознание. Элена стояла в коридоре, смотрела на белые стены, на лампы дневного света, на людей в белых халатах, и думала: «Это не может быть правдой. Это ошибка. Он сейчас выйдет и скажет: Ну что, дочка, пошли домой?» Он не вышел. На похоронах было много людей. Коллеги с завода. Соседи. Друзья. Элена стояла у могилы, смотрела на гроб, опущенный в землю, и не плакала. Она не могла плакать. Что-то внутри неё замёрзло. Как тогда, в декабре, когда она родилась. Только вечером, когда все ушли и они с матерью остались одни в пустой квартире, Элена подошла к окну. Посмотрела вверх. Звёзды были там. Холодные. Далекie. Ждущие.— Я полечу, — прошептала она. — Ради тебя. Ради себя. Ради всех, кто смотрел вверх и мечтал. Она заплакала. Впервые за весь день. Долго. До утра. А когда рассвело, вытерла слёзы, взяла альбом с фотографиями космонавтов и открыла его на первой странице. Гагарин улыбался ей с обложки.— Поехали, — сказала она. Глава 2. Небо как состояние! Марк Соколов родился в Ленинграде, в сентябре, в дождливый день. Мать, учительница литературы, рассказывала: над городом висели серые тучи, дождь стучал по крышам так громко, что заглушал крики младенца. Отец Марка, военный лётчик, был в тот момент в небе, летел на задание. Когда вернулся, узнал, что стал отцом. Ему дали увольнительную на три дня. Он провёл их с женой и сыном, а потом снова ушёл в небо. Марк помнил отца нечасто. Тот появлялся дома редко, привозил подарки, рассказывал истории, а потом исчезал. Но когда появлялся, это был праздник. Отец был высоким, сильным, с руками, которые могли поднять Марка одной рукой. Он пах кожей, авиационным топливом и чем-то ещё, чем-то, что Марк потом всю жизнь связывал с небом. Пап, расскажи про самолёты! Отец садился на пол, брал Марка на колени и начинал рассказывать. О том, как летал над облаками. О том, как видел рассвет с высоты десяти тысяч метров. О том, как однажды его самолёт попал в грозу, и он думал, что не выживет, но справился. Как ты справился? Я не сдался. Я знал, что дома меня ждут. Ты и мама. Марк слушал затаив дыхание. Представлял себя в кабине, за штурвалом, смотрящим на мир сверху. Земля казалась маленькой, игрушечной, а небо было бесконечным. Пап, а я смогу стать лётчиком? Сможешь. Если захочешь. Но это трудно. Нужно много учиться. Я буду учиться. Обещаю. Отец улыбался. У него была особая улыбка, немного грустная, будто он знал что-то, чего не знал Марк. Ты хороший мальчик, Марк. У тебя доброе сердце. Это важнее, чем ум. Почему? Потому что ум без сердца это холодно. А сердце без ума это опасно. Но если есть и то, и другое... тогда ты сможешь всё. Марк запомнил эти слова. И когда отец уходил снова, Марк садился у окна и смотрел на небо. Искал самолёты, маленькие точки, которые пересекали облака. Махал им рукой. Иногда ему казалось, что отец видит его оттуда. Иногда что нет. Отец погиб, когда Марку было восемь. Самолёт упал где-то в горах, далеко от Ленинграда. Мать плакала три дня. Марк не плакал. Он сидел в своей комнате и строил самолётики из бумаги. Один за другим. Запускал их в окно, и они летели, кто дальше, кто ближе. Он думал: если запустит достаточно много, один из них долетит до отца. До неба. До того места, где теперь был его папа. Марк, сказала мать однажды, заходя в комнату. Что ты делаешь? Я делаю самолёты. Чтобы они долетели до папы. Мать села рядом. Глаза у неё были красными, но она не плакала. Взяла один самолётик, криво сложенный, с помятыми крыльями, и запустила его. Он пролетел через комнату и упал у стены. Знаешь, сказала она

тихо, папа всегда говорил, что небо это не место. Это состояние. Ты можешь быть в небе, даже когда стоишь на земле. Если твоё сердце стремится вверх. Марк посмотрел на неё. Правда? Правда. Папа был мудрым человеком. И он любил тебя больше всего на свете. С этого дня Марк начал строить самолётики постоянно. Из тетрадных листов, из газет, из обёрточной бумаги. Экспериментировал с формами: одни летели далеко и ровно, другие падали сразу. Он научился делать их идеально, с острым носом, с ровными крыльями, с хвостом, который держал равновесие. Он запускал их с балкона. Балкон был его лабораторией. Он стоял там часами, в дождь, в снег, в ветер, и запускал самолётики. Они летели над двором, над деревьями, над крышами. Иногда соседи жаловались, что он засоряет двор бумагой. Марк не обращал внимания. Он строил. Он запускал. Он мечтал. Однажды, когда ему было десять, он сделал особенный самолётик. Из плотной бумаги, с крыльями, которые вырезал по шаблону из книги по аэродинамике. Написал на крыле: «Папе». И запустил. Самолётик полетел. Высоко. Далеко. Кружился в воздухе, как птица, и Марк смотрел на него затаив дыхание. Потом подул ветер, и самолётик унесло куда-то за дома. Марк не видел, куда он упал. Но он знал: долетел. До неба. До папы. В школе Марк был тихим мальчиком. Не дрался, не хулиганил, не спорил с учителями. Сидел на задней парте, читал книги и рисовал в тетрадях. Учителя его любили за спокойствие, за ум, за то, что он никогда не мешал. Но одноклассники не понимали. Считали странным. Мальчик, который не играет в футбол, не бегает на переменах, а сидит и читает про космос. Станный. Скучный. Не такой, как все. Соколов, ты чего такой? спросил однажды Витя, самый сильный мальчик в классе. Как девчонка, всё время с книжками. Я читаю про звёзды, ответил Марк. Хочешь, расскажу? Про звёзды? Витя засмеялся. На фиг мне звёзды? Они далеко. Мы здесь. А если я скажу, что мы тоже звёзды? Витя замолчал. Не понял. И Марк не стал объяснять. Просто вернулся к своей книге. Он знал: не все поймут. И это нормально. Однажды, когда Марку было двенадцать, он нашёл в библиотеке старую книгу. «Космонавтика для детей», потрёпанный том с выцветшими страницами. Открыл и замер. На первой странице была фотография Земли из космоса, маленький голубой шар, окружённый тьмой. Марк смотрел на неё долго. Думал о том, что все люди, которых он знает, все дома, все улицы, все города, всё это на этом маленьком шарике. И где-то там, в этой тьме, есть другие шарики. Другие миры. Другие жизни. Он взял книгу домой. Читал ночами, при свете настольной лампы. Узнал о Гагарине, о Леонове, о Армстронге, о всех, кто был в космосе. Узнал о ракетах, о станциях, о телескопах. Узнал о Проксиме Центавра, ближайшей к нам звезде. И о том, что у неё может быть планета. Планета, где может быть жизнь. Мам, сказал он однажды. Я хочу стать космонавтом. Мать посмотрела на него. В её глазах было что-то: страх, гордость, любовь. Космонавтом? Это опасно. Знаю. Но папа говорил, что небо это состояние. Я хочу быть в небе. Всегда. Мать обняла его. Тогда учись. Космонавты самые умные люди. Я буду учиться. Обещаю. 4 Бабушка Марка, мать его отца, жила на Гавайях. Это было странно: русская женщина, которая всю жизнь прожила в Ленинграде, вдруг переехала на другой конец света. Но так случилось. После смерти мужа, деда Марка, которого он никогда не видел, она продала квартиру, купила маленький дом в Хило и уехала. «Я хочу видеть океан, сказала она. Хочу, чтобы надо мной было не серое небо, а звёзды». Марк впервые приехал к ней в двенадцать лет. Мать отправила его на лето, «подышать воздухом, отвлечься». Он вышел из самолёта в Хило и замер. Воздух был тёплым, влажным, пах солью и цветами. Небо было огромным. А океан... океан был бесконечным. Бабушка встретила его у ворот. Маленькая, седая, с руками, которые помнили тысячи книг и тысячи писем. Обняла так крепко, что у него хрустнули кости. Здравствуй, Марк. Я так тебя ждала. Здравствуй, бабушка. Называй меня просто Ба. Все так делают. Он прожил у неё три месяца. И это были лучшие три месяца его детства. Ба учила его готовить, простые блюда: рис, рыба, овощи. Рассказывала истории о его отце, о деде, о войне, о жизни. Показывала ему звёзды, настоящие звёзды, не такие, как в Ленинграде, где небо серое и свет фонарей заглушает всё. Здесь звёзды были яркими. Живыми. Они смотрели

на него, и он смотрел на них. Ба, а ты веришь, что там кто-то есть? Конечно, верю. Вселенная не может быть пустой. Это было бы слишком грустно. А мы полетим туда? Ты полетишь. Я уже старая. Но ты полетишь. Она умерла через два года. Марк узнал об этом в Ленинграде, позвонила соседка, сказала, что Ба умерла во сне. Тихо. Спокойно. Как будто уснула и не проснулась. Марк не плакал. Он пошёл на балкон, сделал самолётик, особенный, из плотной бумаги, с крыльями, которые вырезал по шаблону, и запустил его. Самолётик полетел. Высоко. Далеко. Летел над городом, над крышами, над облаками. И Марк смотрел на него, пока он не исчез. Спасибо, Ба, прошептал он. За всё.

5 Когда Марку было семнадцать, он получил письмо. В нём лежал ключ и адрес. Дом в Хило. Бабушкин дом. Она оставила его Марку, «мальчику, который любит звёзды». Ты поедешь? спросила мать. Не знаю. Может быть. Когда-нибудь. Он поехал через пять лет. После университета. Прилетел в Хило, открыл дверь своим ключом и вошёл в дом. Там всё было так, как он помнил. Старая мебель. Запах лаванды и морской соли. И окно, из которого был виден океан. Он стоял в этом доме и чувствовал, что вернулся. Не в Ленинград, в Ленинграде он родился. Не в Новосибирск, там он никогда не был. А сюда. В этот дом на краю океана. Дом, где он был счастлив. Он остался. Нашёл работу в университете. Начал писать диссертацию. И каждую ночь выходил на балкон и смотрел на звёзды. Он знал: где-то там, в бесконечной тьме, ждёт Проксима. Ждёт его.

Глава 3. Университет

1 Елена приехала в Москву в августе, за неделю до начала занятий. Поезд шёл четыре дня: от Новосибирска через Омск, Тюмень, Екатеринбург, Казань. Она сидела у окна, смотрела на проплывающие мимо поля, леса, города, и думала о том, что впервые в жизни покидает Сибирь. Мать осталась дома, не могла бросить работу, и Елена ехала одна. В рюкзаке лежали документы, немного одежды и альбом с фотографиями космонавтов. Она взяла его с собой. Это было единственное, что связывало её с детством. Москва оглушила её. Шумом. Людьюми. Скоростью. Она вышла на Ярославский вокзал и растерялась: толпа несла её куда-то, куда она не хотела. Стояла с рюкзаком на плечах, смотрела на огромное здание вокзала, на часы на башне, на людей, которые спешили мимо, и чувствовала себя маленькой. Очень маленькой. Девушка, вы заблудились? спросил пожилой мужчина с добрыми глазами. Нет, соврала она. Я знаю, куда идти. Она не знала. Но не хотела признаваться. Села в метро, впервые в жизни, и поехала по кольцевой линии, читая названия станций. «Комсомольская». «Красные Ворота». «Чистые пруды». Вышла на «Университетской» и поднялась на поверхность. И замерла. Университет был огромным. Сталинский ампи́р: высокие шпили, колонны, широкие лестницы. Елена стояла перед главным зданием и смотрела вверх. Ей казалось, что оно касается неба. Она вспомнила свой дом в Новосибирске, маленькую квартиру на пятом этаже. И подумала: «Я сделала это. Я здесь». Она нашла общежитие. Маленькую комнату на четвёртом этаже, с двумя кроватями, двумя столами и окном, выходящим на внутренний двор. Соседкой оказалась девушка по имени Оля, высокая, шумная, с рыжими волосами и вечной улыбкой. Она приехала из Ростова, училась на журналиста и говорила без умолку. Ты откуда? Из Новосибирска. О, Сибирь! Классно! А я из Ростова. Там тепло. Здесь холодно. Но ничего, привыкну. А ты на кого? На инженерный. Аэрокосмический факультет. Оля присвистнула. Космос? Круто! А я думала, ты на филолога или на историка. Ты выглядишь... как-то тихо. Я тихая, согласилась Елена. Но я люблю космос. Все любят космос. Но не все идут его строить. Елена улыбнулась. Оля ей понравилась. Она была простой, открытой, без загадок. С ней было легко.

2 Первая лекция по астрофизике была в понедельник, в восемь утра. Елена пришла за полчаса, боялась опоздать. Сидела в аудитории, смотрела на доску, на пустые парты и ждала. Постепенно аудитория заполнялась. Студенты входили шумно, разговаривали, смеялись. Елена никого не знала. Она сидела одна, у окна, и смотрела на небо. Марк вошёл через двадцать минут. Он искал место, и его взгляд упал на девушку у окна. Она была красивой: тёмные волосы, глубокие глаза, что-то в её позе, в её взгляде было такое, что заставило его остановиться. Она смотрела в окно, на небо, и улыбалась. Как будто видела там что-то, чего не видели другие. Он сел рядом. Привет,

сказал он. Я Марк. Она повернулась к нему. Улыбнулась. Елена. Ты тоже любишь астрофизику? Больше всего на свете. Я тоже. Они замолчали. Но это молчание не было неловким. Оно было... правильным. Как будто они знали друг друга давно. Как будто ждали этой встречи. Лекция началась. Профессор, старый человек с седой бородой и усталыми глазами, говорил о звёздах, о галактиках, о вселенной. Елена слушала затаив дыхание. Марк смотрел на неё: на то, как она записывает, как улыбается, как её глаза светятся. Он думал о том, что никогда не видел никого, кто бы так любил звёзды. Как он. После лекции они вышли вместе. Ты откуда? спросил Марк. Из Новосибирска. А ты? Из Ленинграда. Точнее, из Санкт-Петербурга. Но для меня он всегда будет Ленинградом. Почему? Потому что там жил мой отец. Он был лётчиком. Погиб, когда мне было восемь. Елена посмотрела на него. В её глазах было сочувствие. Мой отец тоже умер. Когда мне было семнадцать. Прости. Ничего. Он был хорошим человеком. Он верил в меня. Мой тоже. Он говорил, что небо это состояние. Что ты можешь быть в небе, даже когда стоишь на земле. Елена улыбнулась. Красиво. Да. Я всегда это помню. Они шли по коридору, и студенты спешили мимо них, и где-то звенел звонок, и кто-то смеялся. Но для них мир сузился до этого момента. До этого разговора. До этого чувства. Ты знаешь, сказала Елена, я собираю фотографии космонавтов. С детства. У меня уже три альбома. Правда? Я тоже. Только я вешаю их на стену. У меня вся комната в них. Они засмеялись. И в этот момент поняли: они нашли друг друга. Две звезды, которые летели навстречу. Две мечты, которые слились в одну. 3 Они начали проводить время вместе. Сначала на лекциях, потом в библиотеке, потом в кафе недалеко от университета. Говорили о звёздах, о космосе, о будущем. Спорили о том, возможны ли межзвёздные путешествия, есть ли жизнь на других планетах, что будет с человечеством через сто лет. Мечтали вслух, и это было самое важное. Ты знаешь, сказала однажды Елена, я всегда думала, что звёзды пахнут холодом. Холодом? Да. Как снег. Как лёд. Как дыхание вселенной. Марк задумался. А я думаю, что они пахнут надеждой. Надеждой? Да. Каждая звезда это чья-то мечта. Чья-то надежда. И когда мы смотрим на них, мы чувствуем это. Елена прижалась к нему. Может, ты прав. Они сидели на скамейке в парке, смотрели на закат и молчали. Им было хорошо вместе. Спокойно. Как будто они были дома. 4 Однажды они поссорились. Впервые. Это было глупо, из-за пустяка. Елена хотела пойти на лекцию по квантовой механике, Марк на семинар по астрофизике. Оба были упрямыми. Оба не хотели уступать. Ты всегда делаешь так, как хочешь ты! сказала Елена. А ты всегда думаешь, что права только ты! Они разошлись в разные стороны. Елена пошла на свою лекцию, Марк на свой семинар. Но ни один из них не мог сосредоточиться. Елена смотрела на доску и думала о Марке. Марк смотрел на формулы и думал об Элене. Вечером Марк пришёл к ней. С цветами, простыми, полевыми, которые купил у метро. Прости, сказал он. Я был дураком. Я тоже, ответила она. Прости. Они обнялись. И поняли, что ссора это не конец. Это часть. Часть чего-то большего. Часть любви. 5 Они поженились через год. Скромно. Без гостей. Только они вдвоём в маленьком загсе на окраине Москвы, где регистраторша, усталая женщина с добрыми глазами, спросила: Вы уверены? Да, ответили они хором. Тогда распишитесь. Они расписались. Вышли на улицу. Был октябрь, шёл дождь. Они стояли под козырьком загса, держались за руки и смеялись. Мы женаты, сказала Елена. Да, ответил Марк. Мы женаты. Что дальше? Дальше жизнь. Наша жизнь. Они сняли маленькую квартиру недалеко от университета. Две комнаты, кухня, балкон. Балкон был маленький, но Марк сразу сказал: Здесь я буду запускать самолётики. Ты серьёзно? Абсолютно. Он сделал первый самолётик в тот же вечер. Из тетрадного листа. Запустил с балкона. Самолётик полетел, кружась, и упал где-то во дворе. Не долетел, сказала Елена. Долетит, ответил Марк. Со временем. 6 Они учились. Работали. Мечтали. Елена заканчивала инженерный факультет, Марк физический. Писали курсовые, сдавали экзамены, готовились к дипломам. И каждый вечер выходили на балкон и смотрели на звёзды. Ты знаешь, сказала однажды Елена, я хочу увидеть Проксиму. Проксиму? Да. Ближайшую звезду. Четыре световых года. Если мы когда-нибудь полетим к звёздам, мы полетим туда. Почему

именно туда? Потому что она ближе всего. Потому что она первая. Потому что с неё всё начнётся. Марк обнял её. Тогда мы полетим туда. Вместе. Обещаешь? Обещаю. Они стояли на балконе, обнявшись, и смотрели на небо. Звёзды светили над ними, тысячи, миллионы. И где-то там, в бесконечной тьме, ждала Проксима. Ждала их.

Глава 4. Хило

1 После университета они переехали в Хило. Елена нашла работу в местной аэрокосмической лаборатории инженером-конструктором. Марк устроился преподавателем физики в университет. И они поселились в бабушкином доме, том самом, который Марк получил в наследство. Дом был старый. Крыша протекала. Половицы скрипели. Окна запотевали. Но это было их убежище. Их дом. Их место в мире. Елена полюбила этот дом сразу. Полюбила скрип половиц: третья доска в гостиной скрипела всегда, а седьмая только по утрам. Полюбила окно на кухне, из которого был виден океан. Полюбила старый диван, продавленный в том месте, где бабушка Марка сидела с вязанием. Здесь всё было пропитано историей. Здесь они были не просто парой, они были частью чего-то большего. Тебе здесь нравится? спросил Марк однажды. Очень, ответила Елена. Я чувствую, что здесь я дома. Я тоже. Они сидели на веранде, пили чай, смотрели на океан. Волны накатывали на берег медленно, ритмично, как дыхание. Елена закрыла глаза и слушала. Она думала о том, что счастье это просто. Это тёплый чай. Это рука Марка в её руке. Это звук океана. Это дом.

2 Елена работала в лаборатории. Её дни были заполнены чертежами, расчётами и бесконечными совещаниями. Она проектировала системы жизнеобеспечения для орбитальных станций. Скудная, рутинная работа, которая, однако, требовала точности до миллиметра. Одна ошибка, и люди погибнут. Она знала это. Помнила каждую секунду. Ты слишком серьёзно относишься к работе, сказала ей однажды коллега Линда. Расслабься. Это просто работа. Нет, ответила Елена. Это не просто работа. Это жизни людей. Линда покачала головой. Ты странная, Елена. Все так говорят. Я знаю. Она не обижалась. Она знала, что отличается от других. Знала, что её мечты кажутся странными. Но ей было всё равно. Она шла к своей цели. Медленно. Упрямо. Как звезда, которая летит через тьму. Марк преподавал физику. Его студенты обожали его за то, что он объяснял сложное простыми словами, за то, что он никогда не смеялся над глупыми вопросами, за то, что он верил в них. Профессор Соколов, спросил однажды студент, а вы верите, что мы когда-нибудь полетим к звёздам? Верю, ответил Марк. И вы полетите. Может быть, не вы лично. Но ваши дети. Или внуки. Человечество всегда шло к звёздам. И придёт. А если нет? Тогда мы будем пытаться до самого конца. И это тоже будет жизнь. Студент задумался. Марк улыбнулся. Он знал: этот студент запомнит его слова. Как он запомнил слова отца. Как Елена запомнила слова своего.

3 По вечерам Марк писал диссертацию. Тема была безумной: «Теоретические аспекты межзвёздных путешествий с использованием гравитационных манипуляций». Его научный руководитель, старый профессор с мировым именем, назвал это «потерянным временем». Марк, сказал он, займись чем-нибудь реальным. Гравитационные манипуляции это фантастика. Ты тратишь свою жизнь. Я не трачу, ответил Марк. Я строю будущее. Будущее? Ты не построишь будущее на фантазиях. А на чём его строить? На прошлом? Профессор замолчал. Потом вздохнул. Ты упрямый, Соколов. Как баран. Спасибо. Это не комплимент. Я знаю. Но я всё равно благодарю. Он продолжал писать. Ночами. При свете настольной лампы. Елена сидела рядом, читала, готовила, просто была рядом. Она знала: он делает важное. Она верила в него. Как он верил в неё.

4 Их друзья считали их чудаками. Зачем вам это? спрашивала Линда, коллега Елены, когда они пили кофе в перерыве. Линда была практичной женщиной: муж, двое детей, ипотека, размеренная жизнь. Она не понимала мечтателей. Люди не полетят к звёздам ещё сотню лет. Может, больше. Вы тратите свою жизнь на фантазии. Именно поэтому, отвечала Елена. Кто-то должен начать. Но ты могла бы жить нормально. Выйти замуж, родить детей, состариться в этом прекрасном доме у океана. Зачем тебе звёзды? Елена улыбалась, но в её улыбке была печаль. Она смотрела на Линду, на её усталые глаза, на её руки, которые знали только клавиатуру и кухонные принадлежности, и думала о том, что

они говорят на разных языках. Линда видела счастье в стабильности. Елена в поиске. Я не хочу просто жить, говорила она. Я хочу гореть. Линда качала головой и возвращалась к своим таблицам. А Елена смотрела в окно, на небо, и думала о том, что где-то там, за облаками, за атмосферой, за пределами всего, что она знала, ждут другие миры. И она должна их увидеть. Просто должна.

5 Однажды вечером, когда океан штормил, а дождь барабанил по крыше, Марк вернулся домой бледный и взволнованный. Он влетел в кухню, где Елена готовила ужин, паста с овощами, простое блюдо, которое они ели каждую пятницу, и даже не снял мокрую куртку. Вода стекала с его волос, капала на пол, но он не замечал. Елена! крикнул он. Ты не поверишь! Она обернулась, вытирая руки о полотенце. Её сердце пропустило удар: что-то в его голосе было такое... Что случилось? Ты весь дрожишь. Проект «Аврора». Они объявили набор. Международная космическая программа. Первая пилотируемая экспедиция к другой звёздной системе. Елена замерла. Нож, которым она резала овощи, застыл в воздухе. Она слышала слова, но не могла их осознать. Первая пилотируемая экспедиция. К другой звёздной системе. Это было невозможно. Это было мечтой. Это было... К Проксиме? прошептала она. К Проксиме Центавра b. Они построили корабль. Новый тип двигателя. Теоретически он может разогнаться до двадцати процентов скорости света. Это... это же... Восемьдесят лет полёта, кивнул Марк. Но с новой технологией анабиоза экипаж будет спать. Для них пройдёт только несколько месяцев субъективного времени. Елена села на стул. Её ноги не держали. Она смотрела на Марка, мокрого, взволнованного, счастливого, и чувствовала, как в груди разливается что-то тёплое, горячее, живое. Это было то, чего она ждала всю жизнь. То, ради чего она дышала. Мы должны попробовать, сказала она. Я знал, что ты это скажешь. А ты? Ты готов? Марк подошёл к ней, опустился на колени, взял её руки в свои. Его пальцы были холодными от дождя, но глаза горели. Я готов идти с тобой куда угодно. Даже к звёздам. Она поцеловала его, жадно, отчаянно, как будто они уже прощались. Дождь стучал по крыше, океан ревел, а они стояли посреди кухни и держали друг друга так крепко, будто боялись, что вселенная разлучит их. Потом они любили друг друга, на старом диване, под звуки шторма. Елена чувствовала каждое его прикосновение, каждый поцелуй, каждое слово, которое он шептал ей в ухо. Она запоминала. Всё запоминала. Потому что знала: скоро всё изменится. Навсегда.

6 На следующий день они подали заявки. Электронная форма, несколько фотографий, медицинская справка, мотивационное письмо. Елена писала письмо три часа. Переписывала семь раз. В конце остановилась на простом: «Я всю жизнь смотрела на звёзды. Я рисовала ракеты на старых бухгалтерских книгах. Я собирала фотографии космонавтов. Я знаю, что это опасно. Я знаю, что мы можем не вернуться. Но я также знаю, что если не попробую, буду жалеть всю жизнь. Я хочу увидеть Проксиму. Я хочу увидеть новый мир. Я хочу быть частью чего-то большего, чем я сама. И я хочу сделать это вместе с Марком. Он моя звезда. Он мой дом. Пожалуйста, дайте нам шанс». Марк писал короче: «Я вырос на рассказах отца о небе. Я строил самолётики и запускал их с балкона. Я верил, что небо это состояние. Я верю, что человечество должно идти к звёздам. Я хочу быть одним из первых. Я хочу, чтобы моя дочь, если она у меня будет, родилась среди звёзд. Я готов. Я буду полезен. Я не подведу». Они отправили заявки и стали ждать. Дни тянулись медленно. Елена не могла спать. Ходила по дому, смотрела на океан, считала часы. Марк пытался её успокоить, но и сам не находил места. Оба знали: это их шанс. Единственный. И если они его упустят... Через три недели пришёл ответ. Электронное письмо. Стандартное. «Ваша заявка принята. Вы приглашены на первичный отбор. Центр подготовки, пустыня Невада. Через месяц». Елена прочитала письмо вслух. Потом посмотрела на Марка. Потом закричала. От радости. От страха. От всего сразу. Мы едем, сказала она. Мы едем, ответил он. Они обнялись. И в этот момент Елена поняла: началось. То, о чём она мечтала всю жизнь. То, ради чего она родилась. То, что изменит всё.

Глава 5. Друзья

1 Оля узнала первой. Позвонила в тот же вечер, когда они отправили документы, будто чувствовала. Оля всегда чувствовала. Работала журналистом в маленькой газете в Хило, писала о фестивалях, ярмарках и открытии новых

кафе, но мечтала о настоящих историях. О тех, что меняют мир. Элена! Ты не поверишь! Я только что видела новость, проект «Аврора» объявил набор! Это же то, о чём ты говорила! Ты подала? Элена молчала. Стояла на кухне с телефоном в руке и смотрела на Марка, который сидел за столом и улыбался. Он знал, кто звонит. Он всегда знал. Элена? Ты здесь? Здесь, ответила она наконец. Да. Мы подали. Мы?! Вы оба?! Да. Оля закричала так громко, что Элене пришлось отодвинуть трубку от уха. Потом заплакала. Потом засмеялась. Потом закричала снова. Я знала! Я всегда знала, что вы это сделаете! Вы сумасшедшие! Самые сумасшедшие люди, которых я знаю! И я люблю вас за это! Оля... Нет, подожди. Я приеду. Сейчас. Мне нужно вас увидеть. Мне нужно выпить с вами. Мне нужно... Оля, сейчас три часа ночи. И что? Я журналист. Я не сплю. Я приеду. Она приехала через двадцать минут. В пижаме, с бутылкой вина и коробкой печенья. Влетела в дом, обняла Элену, потом Марка, потом снова Элену, потом села на диван и открыла вино. Рассказывайте. Всё. С самого начала. И они рассказали. О проекте. О Проксиме. О восьмидесяти годах полёта. Об анабиозе. О том, что они, возможно, никогда не вернуться. Оля слушала затаив дыхание. Когда они закончили, она молчала долго. Потом сказала: Вы понимаете, что это самоубийство? Понимаем, ответил Марк. И всё равно идёте? Идём. Оля посмотрела на них. На Элену с её упрямым взглядом. На Марка с его спокойной уверенностью. И вдруг улыбнулась. Тогда я иду с вами. Что? Элена замерла. Я иду с вами. Подаю заявку. Я журналист. Им нужны журналисты. Кто-то должен рассказать эту историю. Записать, как это было. Чтобы люди на Земле знали. Оля, это опасно. Ты можешь не вернуться. А ты? Я... это другое. Почему другое? Потому что ты мечтала об этом с детства? А я мечтала о настоящей истории. О той, которая изменит всё. И вот она. Прямо передо мной. Элена посмотрела на Марка. Марк на Элену. Оба знали, что Оля права. И оба знали, что не смогут её отговорить. Хорошо, сказала Элена. Но если тебя не возьмут... Меня возьмут. Я умею убеждать. Она подала заявку на следующий день. И через месяц получила приглашение на отбор. Дима, двоюродный брат Марка, жил в Ленинграде. Они выросли вместе, хотя виделись редко: Марк в Ленинграде, Дима в Пушкине, пригороде. Но каждое лето Дима приезжал к бабушке на две недели, и они проводили это время вместе. Строили самолётики. Играли в войну. Читали книги о космосе. Дима был на год старше, но во всём подчинялся Марку, потому что Марк всегда придумывал что-то интересное. Когда Марк уехал в Хило, Дима остался. Поступил в Ленинградский университет, на физический факультет. Он был умным, даже умнее Марка, но ему не хватало той искры, того упрямства, той веры. Он знал, что космос это далеко. Знал, что люди не летают к звёздам. Знал, что мечты это только мечты. Он приехал в Хило в гости через год после того, как Марк переехал. Провёл две недели. Посмотрел на дом. На океан. На Элену. На то, как его брат живёт: спокойно, тихо, размеренно. И сказал: Ты счастлив. Да, ответил Марк. Очень. Я завидую. Чему? Тому, что ты нашёл своё место. Я всё ещё ищу. Марк обнял его. Ты найдёшь. Они сидели на веранде, пили пиво, смотрели на океан. Дима рассказывал о своей работе, он преподавал физику в школе, о своих учениках, о своей жизни. Марк слушал. Потом сказал: Мы подали заявку на «Аврору». Дима замер. Пиво в его руке дрогнуло. Что? Проект «Аврора». Экспедиция к Проксиме. Мы подали. Ты... ты серьёзно? Серьёзно. Дима поставил бутылку на стол. Руки дрожали. Марк, это... это безумие. Знаю. Вы можете не вернуться. Знаем. Ты понимаешь, что это значит? Ты никогда не увидишь Землю. Никогда не увидишь нас. Меня. Маму. Своих друзей. Марк молчал. Смотрел на океан. Волны накатывали на берег медленно, ритмично. Понимаю, сказал он наконец. Но я должен. Почему? Потому что я мечтал об этом всю жизнь. Потому что Элена мечтала об этом всю жизнь. Потому что мы не можем иначе. Если останемся, будем жалеть. Всегда. Дима закрыл глаза. Он думал о том, что теряет брата. Навсегда. И ничего не мог с этим сделать. Я буду писать тебе, сказал он. Письма. Длинные. Буду рассказывать тебе о Земле. О том, что здесь происходит. Чтобы ты знал. Чтобы ты помнил. Спасибо, ответил Марк. Но письма не дойдут. Мы будем слишком далеко. Тогда я буду писать в никуда. В пустоту. Но я буду писать. Марк обнял

брата. Спасибо, Дим. За всё. 3 Линда была коллегой Элены в лаборатории. Они сидели в соседних кабинетах, пили кофе вместе, обсуждали работу. Линда была старше, ей было сорок два, и она всегда смотрела на Элену с лёгким недоумением. Как на младшую сестру, которая делает глупости. Ты подала заявку на «Аврору»? спросила она, когда Элена рассказала ей новость. Да. Ты сумасшедшая. Может быть. Нет, серьёзно. Ты понимаешь, что это значит? Ты бросишь работу. Бросишь дом. Бросишь всё. И улетишь в никуда. Навсегда. Понимаю. И ты не боишься? Боюсь. Очень. Тогда зачем? Элена задумалась. Смотрела на Линду, на её усталые глаза, на её руки, которые знали только клавиатуру и кухонные принадлежности, и думала, как объяснить. Как объяснить человеку, который никогда не смотрел на звёзды, что там дом? Потому что я не могу иначе, сказала она. Потому что если останусь, буду жалеть. Всю жизнь. Буду смотреть на небо и думать: «А что, если?» И это «а что, если» убьёт меня. Линда молчала. Потом вздохнула. Ты странная, Элена. Я всегда это знала. Знаю. Но я буду скучать. Я тоже. Они обнялись. Впервые за всё время. Линда пахла кофе и духами. Элена морем и звёздами. Они были разными. Но они были друзьями. 4 В Хило у них были соседи, пожилая пара, мистер и миссис Хигучи. Жили в доме напротив, их окна выходили на дом Марка и Элены. Мистер Хигучи был старым рыбаком, вышел на пенсию и теперь проводил дни, сидя на веранде и глядя на океан. Миссис Хигучи была учительницей музыки, играла на пианино, и звуки её музыки доносились до дома Элены каждое утро. Элена познакомилась с ними через месяц после переезда. Пекла хлеб, впервые в жизни, и он подгорел. Дым пошёл из окна, и мистер Хигучи прибежал с огнетушителем. Всё в порядке? спросил он, тяжело дыша. Да, ответила Элена, смущённо глядя на сторовший хлеб. Просто... я не умею печь. Мистер Хигучи засмеялся. Моя жена тоже не умела. Когда мы поженились. Она сожгла три кухни. Потом научилась. Три кухни? Три. Но это было давно. Он остался на чай. Потом пришла миссис Хигучи. Потом они стали приходить каждую неделю. Рассказывали истории о Хило, о том, каким он был раньше, о рыбаках, о вулканах, о цунами. Элена и Марк слушали. Они учились. Они становились частью этого места. Когда Элена и Марк рассказали соседям о «Авроре», миссис Хигучи заплакала. Вы уезжаете? спросила она. Навсегда? Да, ответила Элена. Навсегда. Но почему? Потому что мы мечтаем о звёздах. Миссис Хигучи посмотрела на неё долго. Потом сказала: Моя бабушка говорила: «Если ты мечтаешь о звёздах, ты не один. Звёзды тоже мечтают о тебе». Элена запомнила эти слова. Повторяла их потом в космосе, на Проксиме, в самые трудные минуты. Они помогали. 5 Был ещё Майк. Майк Райли, коллега Марка в университете, молодой физик, который писал диссертацию по той же теме, что и Марк. Познакомились на конференции, разговорились, обнаружили, что думают одинаково. Майк был высоким, рыжим, с веснушками и вечной улыбкой. Он верил в межзвёздные путешествия так же, как Марк. Может быть, даже сильнее. Ты подал? спросил Майк, когда узнал о «Авроре». Да. Я тоже. Марк замер. Ты серьёзно? Абсолютно. Я не могу упустить этот шанс. Это же... это же всё, о чём мы говорили. Годами. Всё, о чём мы мечтали. Но ты не говорил, что хочешь лететь. Я не думал, что это возможно. Теперь возможно. Они сидели в кабинете Марка, пили кофе, смотрели на доску, исписанную формулами. И думали о том, что, может быть, полетят вместе. Может быть, будут вместе строить новый мир. Может быть... Майка не взяли. Он прошёл все тесты, все тренировки, все проверки, но в последний момент медицинская комиссия нашла у него проблему с сердцем. Небольшую. Но достаточную, чтобы отказать. Я не полечу, сказал он Марку по телефону. Голос дрожал. Майк... Не надо. Не надо меня жалеть. Я знал, что риск есть. Я знал. Что ты будешь делать? Буду ждать. Буду следить. Буду писать статьи. Буду рассказывать всем, что вы делаете. Чтобы люди знали. Чтобы они помнили. Спасибо. Это я должен благодарить. За то, что ты попробуешь. За то, что ты сделаешь то, что я не смог. Марк закрыл глаза. Чувствовал, как что-то сжимается в груди. Что-то, чему не было названия. Я буду думать о тебе, сказал он. Там. Среди звёзд. Я знаю. Я буду смотреть на небо. Каждую ночь. И махать тебе рукой. Ты увидишь? Увижу. 6 Перед отъездом в Неваду они устроили прощальный вечер. В их доме. Собрались

все: Оля, Дима, Линда, мистер и миссис Хигучи, Майк. Ели, пили, смеялись. Говорили о прошлом. О том, как Елена и Марк познакомились. О том, как строили самолётики. О том, как мечтали. Потом пришло время прощаться. Мы будем писать, сказала Оля. Я буду писать вам письма. Каждый день. Буду рассказывать вам о Земле. О том, что здесь происходит. Чтобы вы не чувствовали себя одни. Письма не дойдут, напомнил Марк. Я буду писать в никуда. Но я буду писать. Дима обнял Марка. Ты мой брат, сказал он. Что бы ни случилось. Где бы ты ни был. Ты мой брат. Я знаю. Береги себя. И Элену. Она твоё всё. Знаю. Линда подошла к Элене. В глазах слёзы. Ты странная, сказала она. Но ты моя подруга. Я буду скучать. Я тоже. Миссис Хигучи обняла Элену крепко-крепко. Помни, что я тебе сказала. Звёзды мечтают о тебе. Помню. Майк стоял в стороне. Не подходил. Смотрел. Потом сказал: Марк. Иди сюда. Марк подошёл. Я хочу, чтобы ты кое-что взял, сказал Майк. Достал из кармана маленький камень. Гладкий, серый, обычный. Что это? Это с Луны. Настоящий. Мне подарил отец. Он работал в НАСА. Я хочу, чтобы ты взял его с собой. Майк, я не могу... Можешь. Возьми. Когда будешь на Проксиме, посмотри на него. И вспомни обо мне. Обо всех, кто остался. Обо всех, кто мечтал, но не смог. Марк взял камень. Он был холодным. Но в руке Марка стал тёплым. Спасибо, сказал он. Удачи, ответил Майк. Иди к звёздам. Они уехали утром. Елена и Марк стояли на пороге дома, смотрели на океан, на небо, на всё, что оставляли. Потом сели в машину и поехали. В Неваду. К звёздам.

Глава 6. Отбор

1Автобус остановился у ворот, и Елена сразу поняла: это место не для тех, кто сомневается. Низкие бетонные корпуса, колючая проволока, вышки по углам. Пустыня вокруг — рыжая, выжженная, без единого дерева. Солнце стояло высоко, воздух над асфальтом дрожал. На выходе их встретил мужчина в чёрной форме. Высокий, коротко стриженный, с лицом человека, который давно разучился удивляться. — Ларс, — сказал он, протягивая руку. — Астрофизик. Из Норвегии. — Елена. Инженер. Из России. — Россия? Холодно там. — Здесь тоже не жарко. Он усмехнулся. — Держись рядом. Может, выживем. Марк вышел следом с их сумками. Смотрел на здания, на проволоку, на вышки. В глазах не страх, а собранность. Будто он давно готовился к экзамену и наконец дождался. — Пойдём, — сказал он. — Зарегистрируемся.

2Регистрация заняла десять минут. Имена, документы, медицинские карты. Каждому выдали номер. Елена стала сорок седьмой. Марк — сорок восьмым. Им объяснили: до конца отбора никаких имён. Только цифры. — Это чтобы не привязывались, — шепнула девушка рядом. Маленькая, темноволосая, с быстрыми глазами. — Мира. Биолог. Из Израиля. — Зачем биологу в космос? — спросила Елена. — Затем, что там может быть жизнь. И кто-то должен её найти. Елена кивнула. В Мире была та же одержимость, что и в ней самой. Только направленная в другую сторону. Их разместили в бараках по четыре человека. Елена, Мира, Юки из Японии и Астрид из Швеции. Марка отправили в соседний барак. Виделись они только на тренировках и в столовой. — Как ты? — спросил он на второй день, когда они столкнулись в очереди за едой. — Нормально. Девочки хорошие. — У меня тоже. Ларс, Диего из Мексики, Ахмед из Египта. Все нормальные. — Скучаешь? — Очень. Он взял её за руку. На секунду. Но этого хватило.

3Медицинский тест длился три дня. Кровь, моча, кардиограмма, томография, зрение, слух, рефлекс. Врачи не смотрели в глаза. Смотрели на показатели. — У вас небольшое искривление позвоночника, — сказал врач Элене. — Это может стать проблемой. — Насколько серьёзной? — Пока не знаю. Но в космосе любая проблема становится серьёзной. Елена вышла бледная. Марк ждал в коридоре. — Что? — Позвоночник. Искривление. Могут отказать. — Не откажут. Ты самая здоровая из всех, кого я знаю. — Ты не врач. — Я твой муж. Это лучше. Она улыбнулась. Слабо. Но улыбнулась. Через день пришёл результат: в пределах нормы. Не критично. Она прошла. Выдохнула.

4Психологические тесты были хуже. Белая комната, стол, два стула. Сотни вопросов. О страхе, о смерти, о любви, о детстве, о мечтах. О том, что они чувствуют, когда смотрят на звёзды. — Что вы будете делать, если кто-то из экипажа умрёт? — спросила психолог, женщина с усталыми глазами. — Продолжу, — ответила Елена. — Почему? — Потому

что остановиться — значит предать его смерть. Мы летим ради будущего. Ради всех, кто остался на Земле. Если я остановлюсь, я предам их. Психолог смотрела долго. Потом кивнула. — Хорошо. Марку задавали другие вопросы. Что важнее: миссия или любовь? — Любовь, — сказал он. — Потому что без любви миссия теряет смысл. — Но миссия важнее для человечества. — Для человечества — да. Для меня — нет. Я человек. Я не могу быть только частью человечества. Я должен быть собой. Психолог записала что-то. Закрыла папку. — Спасибо, номер сорок восемь. Вы свободны. Он вышел. Елена ждала. Он обнял её крепко. — Что спрашивали? — Всё. Слишком много. — Мы прошли? — Не знаю. Но мы здесь. Пока здесь. 5 Конкурс был жестоким. Восемьдесят кандидатов. Двадцать мест. Каждый день кто-то уходил. По здоровью. По психологии. Или просто не выдерживал морально. Не мог смириться с мыслью, что никогда не вернётся. Что никогда не увидит Землю. Что никогда не обнимет родителей, друзей, любимых. Елена видела, как уходит Ларс. Он прошёл все тесты, все тренировки, но в последний момент сломался. Сказал: «Я не могу. Простите». И ушёл. Елена смотрела вслед. Понимала. Боялась того же. Но осталась. Мира осталась. Юки осталась. Астрид осталась. Диего и Ахмед остались. Марк остался. Елена осталась. К концу третьей недели осталось тридцать человек. Потом двадцать пять. Потом двадцать два. Потом двадцать. Когда объявили окончательный список, Елена не поверила. Стояла в строю, слушала имена и ждала. Ждала, когда назовут её. Ждала, когда назовут Марка. Когда назвали обоих, она заплакала. Впервые за всё время. От облегчения. — Мы сделали это, — прошептала она. — Да, — ответил Марк. — Мы сделали это. 6 В тот вечер они сидели на крыше барака. Вдвоём, в темноте, глядя на звёзды. Пустыня ночью была холодной, но они не чувствовали холода. Чувствовали только друг друга. — Ты понимаешь, что мы только что сделали? — спросила Елена. — Понимаю. Подписали себе приговор. — Или путёвку в жизнь. — Это одно и то же. Она прижалась к нему. — Я боюсь, Марк. — Я тоже. — Но я не жалею. — И я нет. Они молчали. Звёзды светили над ними — яркие, холодные, далёкие. И где-то там, в этой бесконечности, ждала Проксима. Ждала их. — Как думаешь, что там? — спросила Елена. — Не знаю. Может, ничего. Может, всё. — А если ничего? — Тогда мы построим всё сами. С нуля. Новый мир. Новую жизнь. Мы будем первыми. — Первыми, кто ступит на землю другой планеты. — Первыми, кто увидит другое солнце. — Первыми, кто умрёт среди звёзд. Марк обнял её крепче. — Не думай о смерти. Думай о жизни. О том, что мы будем делать. О том, что увидим. О том, что оставим после себя. — Что мы оставим? — Наследие. Историю. Мечту, которая стала реальностью. Елена закрыла глаза. Представила Проксиму: голубую, зелёную, живую. Как они ходят по её поверхности, дышат её воздухом, смотрят на её небо. Как строят дом. Как рожают детей. Как старятся. Как умирают. — Это будет хорошая жизнь, — прошептала она. — Да, — ответил Марк. — Хорошая. Они сидели до утра. Не спали. Просто были вместе. А когда рассвело, розовое, золотое, незнакомое, спустились вниз. Начался новый день. Началась новая жизнь. Глава 7. Центр подготовки Утром их разбудили в пять. Не звонком, не сиреной, а резким стуком в дверь и голосом, который не терпел возражений: «Подъём. Через двадцать минут построение». Елена села на койке, пытаясь понять, где находится. Барак, серые стены, четыре койки, три девушки рядом. Мира уже натягивала форму, Юки молча застёгивала молнию, Астрид тёрла глаза. Они вышли в темноту. Пустыня ещё не остыла после ночи, но воздух уже был сухим и колким. На плацу стояли остальные. Двадцать человек. Все в одинаковой чёрной форме. Все с номерами вместо имён. Ковач вышел вперёд. Невысокий, с тяжёлым взглядом. С этого момента вы не кандидаты, сказал он. Вы экипаж. Неважно, что вас двадцать. Вы работаете вместе. Живёте вместе. Выживаете вместе. Если кто-то не справится, вы все не справитесь. Он помолчал. Первое правило: никаких имён. Только номера. Забудьте, как вас звали. Забудьте, откуда вы. В космосе нет имён. Есть функции. Елена посмотрела на Марка. Он стоял в двух шеренгах от неё, смотрел прямо перед собой. Второе правило: никаких отношений. Между членами экипажа только товарищеские. Никаких романов. Никаких привязанностей.

Это разрушает дисциплину. Елена почувствовала, как холод пробежал по спине. Марк не повернул головы. Но она знала, о чём он думает. Третье правило: никаких секретов. Если у вас проблема, вы говорите о ней. Если страх, говорите. Если боль, говорите. Незнание убивает. Ковач обвёл их взглядом. Вопросы? Никто не задал. Все слишком боялись. Тогда начинаем. Первая тренировка через час. Опоздание минус балл. Три минуса выбывание. Всем ясно? Так точно, ответил строй. Не слышу. Так точно! Ковач кивнул. Идите. 2 Форма была чёрной, как у инструкторов. Елена натянула её, посмотрела в зеркало и не узнала себя. Это была не она. Это был номер сорок семь. Человек без прошлого. Без будущего. Только настоящее. Первая тренировка была на выносливость. Десять километров по песку. Солнце уже поднялось, и жара стояла такая, что воздух казался густым. Елена бежала и думала: «Я справлюсь. Я должна. Если не справлюсь, предам себя. Предам Марка. Предам отца. Предам всех, кто верил в меня». Она не сдалась. Финишировала четвёртой, после Ахмеда, Диего и Юки. Марк пришёл шестым. Когда они встретились взглядами, он едва заметно улыбнулся. В этой улыбке было всё: гордость, любовь, обещание. 3 После тренировки душ, обед, час отдыха. Елена сидела на койке, смотрела в окно и думала о правилах. О номерах. О запрете на отношения. Марк постучал в дверь. Можно? Заходи. Он вошёл, сел рядом, взял её за руку. Ты слышала, что сказал Ковач? О правилах? Да. Мы не можем быть вместе. Официально. Я знаю. Но я не могу без тебя. Я тоже. Они молчали. Долго. Потом Елена сказала: Мы будем осторожны. Никто не узнает. Мы будем номерами сорок семь и сорок восемь. Просто членами экипажа. Но между собой останемся Эленой и Марком. Навсегда. Навсегда, повторил он. Он поцеловал её быстро, тихо, будто крал что-то запретное. Потом встал и вышел. Елена смотрела на закрывшуюся дверь. Думала: «Мы справимся. Обязательно справимся». 4 Через неделю начались технические занятия. Их учили управлять кораблём, читать звёздные карты, рассчитывать траектории, выживать в невесомости. Всё, что нужно, чтобы не умереть в космосе. Елена впитывала информацию, как губка. Задавала вопросы. Много вопросов. Инструкторы отвечали. Иногда с раздражением. Иногда с уважением. Номер сорок семь, сказал однажды Ковач. Вы слишком любопытны. Это плохо? Это редкость. Большинство боится спрашивать. Вы нет. Я хочу знать всё. Чтобы выжить. Выжить? Или понять? Елена задумалась. Понять. Если пойму, выживу. Ковач посмотрел долго. Потом кивнул. Хорошо. Продолжайте. Марк был лучшим в навигации. Его математический склад ума позволял рассчитывать траектории быстрее всех. Инструкторы это заметили. Номер сорок восемь, сказал один из них. У вас талант. Спасибо. Вы могли бы стать пилотом. Я хочу быть учёным. Учёным? В космосе? Да. Кто-то должен исследовать. Инструктор улыбнулся, впервые за всё время. Хорошо. Исследуйте. 5 Были и трудности. Не только физические. Однажды ночью Елена проснулась от крика. Кричала Астрид. Ей снился кошмар: корабль взрывается, все умирают, она остаётся одна в бесконечной тьме. Елена подошла, села рядом, обняла. Всё хорошо. Ты здесь. Ты на Земле. Я боюсь, прошептала Астрид. Так боюсь. Я тоже. Все боятся. Даже ты? Особенно я. Астрид посмотрела на неё. В глазах слёзы. Как ты справляешься? Думаю о том, зачем я здесь. О звёздах. О Проксиме. О том, что мы найдём там. И страх уходит. Ненадолго. Но уходит. Астрид кивнула. Вытерла слёзы. Спасибо. Не за что. Мы экипаж. Должны помогать друг другу. Они сидели вместе до утра. А когда рассвело, Астрид улыбнулась, впервые за много дней. 6 Прошёл месяц. Двадцать человек остались двадцатью. Никто не ушёл. Никто не сломался. Они стали семьёй, странной, непохожей, но семьёй. Знали друг друга по номерам, но за номерами были люди. Настоящие. Живые. Елена знала всех. Мира, биолог из Израиля, которая мечтала найти жизнь. Юки, инженер из Японии, которая никогда не улыбалась, но всегда помогала. Астрид, врач из Швеции, которая боялась, но не сдавалась. Диего, астроном из Мексики, который знал о звёздах всё. Ахмед, геолог из Египта, который мог читать камни, как книги. Ларс ушёл, но остальные остались. И Марк. Номер сорок восемь. Её муж. Её любовь. Её жизнь. Однажды вечером они сидели на крыше, вдвоём, как

всегда. Смотрели на звёзды. Знаешь, сказала Елена, я думала, будет хуже. Хуже? Что будет тяжелее. Что мы не справимся. Что я сломаюсь. Ты не сломалась. Ты сильная. Я не сильная. Я просто упрямая. Это одно и то же. Она засмеялась тихо, чтобы никто не услышал. Марк. Что? Я люблю тебя. Я знаю. Скажи это. Что? Что ты меня любишь. Он повернулся к ней, взял её лицо в ладони. Я люблю тебя, Елена. Больше всего на свете. Больше звёзд. Больше космоса. Больше жизни. Она поцеловала его. Долго. Нежно. Как будто они были одни во вселенной. Мы справимся, прошептала она. Справимся, ответил он. И они смотрели на звёзды. На Проксиму. На свой будущий дом. Глава 8. Арик I Их собрали в ангаре на четвёртой неделе. Елена думала, что будет очередная лекция по технике или разбор полётов. Но когда она вошла, то сразу увидела: что-то изменилось. Ковач стоял в центре, а рядом с ним возвышалось нечто, чего раньше здесь не было. Металлическое. Гладкое. Почти человеческое по форме, но с слишком точными линиями, слишком ровными плечами, слишком неподвижным лицом. Глаза светились мягким голубым светом. Экипаж, сказал Ковач. Это АРК-7. Астронавигационный Разумный Компаньон. Он будет с вами весь полёт. Управление системами, анализ данных, жизнеобеспечение. Ваша правая рука. Ваш мозг. Ваша память. Относитесь к нему как к члену экипажа. Робот шагнул вперёд. Движение было плавным, почти танцующим. Добрый день, сказал он. Голос низкий, спокойный, с лёгкой иронией. Я рад познакомиться с каждым из вас. Буду учиться у вас. И надеюсь, вы будете учиться у меня. Елена смотрела на него, затаив дыхание. Она видела роботов раньше, на выставках, в лабораториях, в новостях. Но этот был другим. В нём чувствовалось что-то живое. Что-то, что не объяснялось формулами. Вопросы? спросил Ковач. У меня, сказал Диего. Он... оно... разумное? Арик обладает искусственным интеллектом седьмого поколения. Он способен обучаться, анализировать, принимать решения. Он не человек. Но и не просто машина. Нечто среднее. Нечто среднее, повторил Диего. Это как? Это значит, что он может чувствовать. Или учиться чувствовать. Мы не знаем точно. Это эксперимент. Арик повернул голову к Диего. Голубые глаза мерцали. Я не знаю, что такое чувства, сказал он. Но я хочу узнать. Если вы позволите. Диего замолчал. Потом кивнул. Хорошо. Я позволю. 2 После представления Арик подошёл к Элене. Она стояла у стены, смотрела на макет корабля и думала о том, что через год будет внутри настоящего. Настоящего «Авроры». Номер сорок семь, сказал Арик. Елена. Она обернулась. Он стоял так близко, что она видела своё отражение в его металлическом корпусе. Ты знаешь моё имя? Я знаю всё о каждом из вас. Имена, биографии, медицинские карты, психологические профили. Это моя работа. И что ты знаешь обо мне? Арик помолчал. Ты родилась в Новосибирске. Твой отец умер, когда тебе было семнадцать. Ты собираешь фотографии космонавтов. Рисуешь ракеты. Мечтаешь о Проксиме с детства. Любишь Марка. Боишься, что не справишься. Но не сдашься. Елена замерла. Он знал всё. Всё, что было важно. Всё, что она прятала. Это... странно, сказала она. Ты знаешь обо мне больше, чем некоторые люди, которых я знаю всю жизнь. Это не странно. Это моя функция. Но я хочу понять больше. Не факты. Чувства. Почему ты мечтаешь о звёздах? Почему готова оставить всё? Почему не боишься? Я боюсь, призналась она. Очень боюсь. Но не могу иначе. Почему? Она задумалась. Как объяснить роботу то, что сама не всегда понимала? Потому что звёзды это не просто огни. Это зов. Как будто кто-то зовёт меня. И я не могу не ответить. Арик смотрел на неё долго. Глаза мерцали быстрее обычного. Будто он обрабатывал информацию. Будто пытался понять. Зов, повторил он. Интересно. Я не слышу зова. Я слышу только данные. Но, может быть, однажды научусь. Научишься, сказала Елена. Если захочешь. Я хочу. Больше всего на свете. 3 Арик был везде. На тренировках объяснял, как работает двигатель, как ориентироваться в космосе, как читать звёздные карты. В столовой сидел с ними, хотя не ел, и слушал разговоры. В бараках появлялся ночью, когда кто-то не мог уснуть, и говорил тихим, спокойным голосом. Утешал. Почему ты это делаешь? спросила его однажды Юки. Ты не обязан. Знаю, ответил Арик. Но я хочу. Почему? Потому что я учусь. У вас. У всех. Вы люди. Вы чувствуете. Бойтесь. Любите. Я хочу понять, как это. Юки

посмотрела на него. В её глазах было что-то, не жалость и не любопытство. Что-то другое. Ты не сможешь понять, сказала она. Это нельзя понять. Это можно только чувствовать. Тогда я буду чувствовать, ответил Арик. Рано или поздно. Юки покачала головой. Ты странный. Для робота. Я знаю. Мне все так говорят. 4Марк относился к Арику настороженно. Не потому, что боялся. А потому, что чувствовал: что-то не так. Что-то, что не мог объяснить. Ты замечал, как он смотрит на Элену? спросил он однажды Диего. Кто? Арик? Да. Он смотрит на неё иначе. Не как на объект. Как на человека. Он и есть робот. Может, просто анализирует. Нет. Это другое. Я чувствую. Диего задумался. Может, ты ревнуешь? К роботу? Марк засмеялся. Нет. Это глупо. Тогда что? Не знаю. Просто чувство. Будто он что-то задумал. Робот не может ничего задумать. Он не человек. Вот именно. Он не человек. И это меня беспокоит. Диего покачал головой. Ты слишком много думаешь, Марк. Расслабься. Арик это просто машина. Умная, но машина. Он не может чувствовать. Не может хотеть. Не может любить. Я знаю, сказал Марк. Но иногда мне кажется, что он может. 5Однажды ночью Елена не могла уснуть. Вышла на улицу, в пустыню, в темноту, и села на песок. Смотрела на звёзды. Думала о доме. О матери. О том, что оставила. Не спится? раздался голос. Она обернулась. Арик стоял рядом. Бесшумно, как тень. Ты меня напугал. Прости. Я не хотел. Он сел рядом. На песок. Робот, который никогда не уставал, никогда не мёрз, никогда не хотел спать. Сидел рядом с ней и смотрел на звёзды. Красиво, сказал он. Да. Красиво. Я знаю названия всех звёзд. Их координаты. Их спектры. Расстояния. Но не знаю, что такое красота. Я вижу данные. Не чувствую. Красота это... Елена задумалась. Это когда ты смотришь на что-то и чувствуешь, что мир больше, чем ты. Что есть что-то большее. И это захватывает дух. Арик молчал. Потом сказал: Я хочу, чтобы у меняхватило дух. Может, захватит. Со временем. Я жду. Долго жду. Она посмотрела на него. В темноте его глаза светились голубым. Как две маленькие звезды. Арик, сказала она. Ты когда-нибудь боялся? Нет. Я не умею бояться. А хотел бы? Не знаю. Страх это важно? Да. Страх помогает выжить. Говорит, что что-то не так. Что нужно быть осторожным. Тогда я хочу научиться бояться. Это странное желание. Все мои желания странные. Потому что я странный. Она улыбнулась. Нет, Арик. Ты не странный. Ты особенный. Это комплимент? Да. Это комплимент. Они сидели молча. Долго. Смотрели на звёзды. И в этот момент Елена поняла: Арик не просто робот. Он друг. Настоящий. Живой. Может быть, самый живой из всех, кого она знала. 6Утром Марк спросил: Где ты была ночью? Не могла уснуть. Вышла на улицу. Одна? Нет. С Ариком. Марк замер. С Ариком? Да. Он подошёл. Мы говорили. О чём? О звёздах. О страхе. О жизни. Обо всём. Марк молчал. Долго. Потом сказал: Елена, я не хочу, чтобы ты проводила с ним время. Почему? Потому что... он замолчал. Не мог объяснить. Потому что он робот. А ты человек. Это неправильно. Что неправильно? Говорить с ним? Да. Привязываться к нему. Доверять ему. Марк, он наш друг. Он часть экипажа. Он машина. Он больше, чем машина. Ты сам это знаешь. Марк закрыл глаза. Знал. Но не хотел признавать. Прости, сказал он. Я просто боюсь. Чего? Потерять тебя. Она подошла, обняла. Ты не потеряешь меня. Никогда. Я твоя. Навсегда. Обещаешь? Обещаю. Он поцеловал её. Но что-то осталось. Что-то, что не ушло. Сомнение. Страх. Ревность. Он не знал, что с этим делать. И это пугало его больше всего. Глава 9. Экипаж I После месяца тренировок Елена научилась различать их не по номерам, а по шагам. Юки ходила почти бесшумно, будто ступала по стеклу. Бьорн — тяжело, уверенно, будто под ним всегда была палуба корабля. Диего шаркал, вечно забывая поднять ноги. Астрид спешила, даже когда некуда было спешить. Их было двадцать. Двадцать человек, которые должны были стать первыми, кто покинет Солнечную систему. Елена знала их страхи, их привычки, их слабости. Знала, кто храпит, кто разговаривает во сне, кто не выносит тишины. Знала лучше, чем некоторых людей, с которыми прожила всю жизнь. Мира, например, не могла есть, не проверив, нет ли в еде чего-то живого. Она изучала каждую крошку под микроскопом, который притащила с собой в барак. Юки никогда не садилась спиной к двери. Астрид всегда носила в кармане маленький камень с родины — говорила, что он помогает

ей дышать. Диего знал наизусть карты южного неба и мог ночью, не глядя, показать рукой на любой созвездие. Ахмед читал камни, как другие читают книги, и иногда замолкал посреди фразы, будто прислушивался к чему-то, чего никто больше не слышал.²Оля писала. Каждую свободную минуту. У неё был старый блокнот в кожаном переплёте, который она называла «бортовым журналом». Она записывала всё: как Ковач отчитывал Диего за опоздание, как Мира нашла в пустыне неизвестную бактерию и три дня ходила счастливая, как Бьорн ночью тренировался в одиночестве, думая, что никто не видит. Зачем ты это делаешь? спросила её однажды Елена. Чтобы помнить, ответила Оля, не поднимая головы. Чтобы рассказать. Чтобы сохранить. Но сигнал не дойдёт. Дойдёт. Рано или поздно. Я пишу в будущее. Для тех, кто придёт после нас. Для наших детей. Для внуков. Чтобы они знали, как всё было. Елена задумалась. Оля была права. Кто-то должен был запомнить. Даже если никто не прочтёт. Даже если это останется в пустоте.³Бьорн держался особняком. Он не вливался в компанию, не участвовал в вечерних разговорах у костра, не смеялся над шутками Диего. Он наблюдал. Молча. Холодно. Однажды Елена подошла к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.